

Старший научный сотрудник  
художественного отдела  
Псковского музея-заповедника  
Салтан Н.И.

### **Коллекция работ А.Е. Мордвиновой**

В доступной нам литературе это имя встречается неоднократно, однако обычно это краткие упоминания, касающиеся ее причастности в 1920-1930-е гг. к «школе Филонова» («Мастера аналитического искусства»). Мы располагаем некоторыми дополнительными материалами в отношении этой, в сущности, забытой художницы.

Ее первые работы поступили в фонды нашего музея в 1961 году, вскоре после их создания и хронологически относятся к завершающему периоду ее творчества.

Две из этих трех автолитографий («На нашей Неве», 1959 г., и «На набережной Макарова в Ленинграде», 1960 г.) были переданы приказом МК РСФСР, распределявшего закупленные с выставок работы по провинциальным музеям, и демонстрируют зрелое творчество представителя так называемой ленинградской пейзажной школы с присущей ей сдержанностью, строгой поэтикой и лаконизмом средств выражения.



Третья автолитография, скромный пейзаж под названием «Весенние сумерки» (1959), также поступившая в фонды в том же 1961 году, является даром С. А. Цвылева и примечательна надписью, свидетельствующей о дружбе художницы с известным псковским историком-краеведом: «Старцу Сергию от старицы Алевтины». О нашем предположении по поводу знакомства этих двух людей скажем ниже.

Основная часть работ Мордвиновой - 48 листов - была получена спустя два десятилетия, в 1982 году, из графического кабинета ЛОССХ, где хранилась после смерти автора в качестве вымороченного имущества вместе с небольшим архивом. Последний включает в себя машинописные листки краткой автобиографии, список основных работ, характеристику за подписью председателя правления ЛОССХ, а также воспоминания Мордвиновой о двух эпизодах ее жизни.

Первый обращает к годам Великой Отечественной войны («О жизни в блокадном Ленинграде») и был в свое время использован известным радиожурналистом Л. Е. Мограчевым в одном из выпусков передачи «С добрым утром» под названием «Бомба замедленного действия», где в шуточной, насколько это возможно в данном случае, форме повествовалось

как в блокадные дни немецкие снайперы попадали в каждый из следующих домов, куда переселяли Мордвинову.

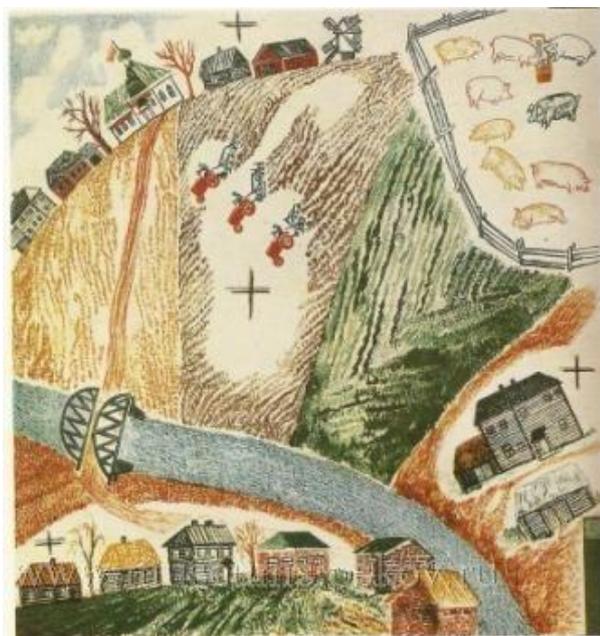
Второй эпизод воспоминаний назван «Моя поездка к А. В. Луначарскому, наркому просвещения» и связан с ранним, «филоновским» периодом ее творчества. Главным мотивом повествования здесь является жертвенность П. Н. Филонова в отношении своих учеников и утверждения «аналитического метода», а также его щепетильность в отношении всякого рода помощи. Видя, что учитель находится на пределе физического истощения, филоновцы посылают энергичную Алевтину Мордвинову в Москву к Луначарскому. Там, приложив невероятные усилия, она добивается для Филонова единовременного денежного пособия и заказа на создание коллективного портрета работниц завода «Красное знамя».

С П.Н. Филоновым Мордвинова познакомилась в середине 1920-х гг., будучи студенткой ВХУТЕИНа (позднее - Институт им. И. Е. Репина), где в 1921-26 гг. училась на живописном отделении у К. Петрова-Водкина, А. Карева и др. За год до окончания Института она начала посещать Филонова в мастерской, которую ему предоставила Академия и где несколько десятков учеников получали «прививку» разработанного им аналитического метода.

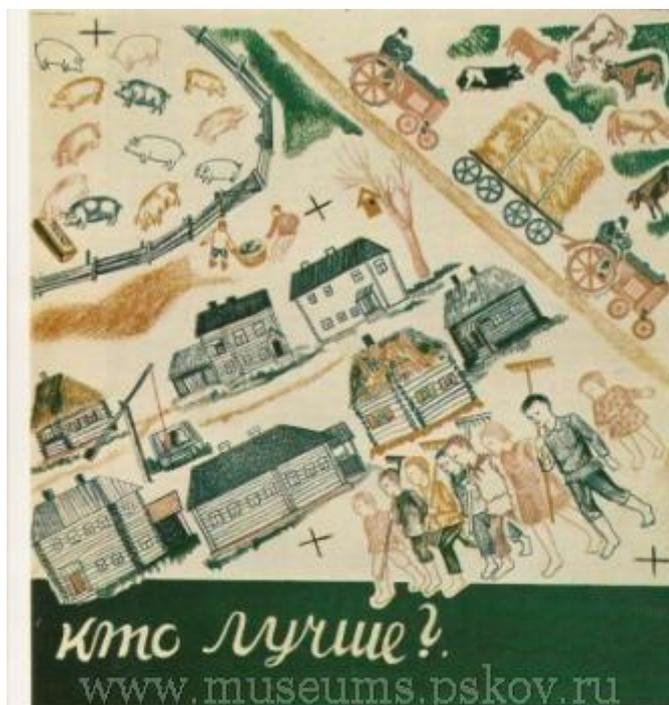
Мордвинова принимает участие во всех акциях группы. Так в 1927 году она вместе с другими создает костюмы и декорации к гоголевскому «Ревизору», а также оформляет театральный зал Дома печати, где по тематике, разработанной Филоновым, ей было поручено написать самые большие холсты. Один из них - «Революция в Китае» - не сохранился, другой - «Казнь революционера» («Повешенный», р. 420 х 300) - ныне хранится в ГРМ. Позднее вместе с другими филоновцами она экспонировала свои работы на выставке «Современные ленинградские художественные группировки» (1928 - 29).

В период подготовки к следующей выставке - 1-й общегородской выставке изобразительного искусства (1930) - произошел раскол, в результате чего часть учеников, не способных выносить жесткую бескомпромиссность

Филонова в реализации аналитического метода, высшей точкой которого было творчество его самого, покидают своего учителя. В их числе оказалась и А. Е. Мордвинова.



А. МОРДВИНОВА  
Низгородок старона обласна зона А. Мордвиновској обло Арчиш, 1924  
Воскресенскаја старина  
249



А. МОРДВИНОВА  
Порана старона обласна зона А. Мордвиновској обло Арчиш, 1926  
Воскресенскаја старина  
249

С этого времени она начинает работать самостоятельно: преподает в художественном училище, осваивает печатные техники офорта и литографии, а также работает в Детском отделении Госиздата под руководством В. В. Лебедева. Последний, опираясь на своих сподвижников (среди которых были А. Пахомов, В. Курдов, Е. Эвенбах), создал замечательную школу книжной графики. О высоких достижениях Мордвиновой в этой области свидетельствуют цветные автолитографии к книге «Кто лучше?» из собрания ГРМ (1936). Разворот обложки решен таким образом, что вместил в себя рассказ о жизни целой деревни. Наглядность и конкретность изображения соединилась здесь с условностью, смелым упрощением форм и композиции. Отчасти реализован и филоновский принцип использования точки в качестве формообразующего элемента - «единицы действия» в построении предметных форм. Остается лишь сожалеть о том, что книжка эта так и не была издана.

Обратимся к работам Мордвиновой, полученным из графического кабинета ЛОССХ. Значительная их часть хронологически относится к постфилоновскому, самостоятельному периоду творчества.



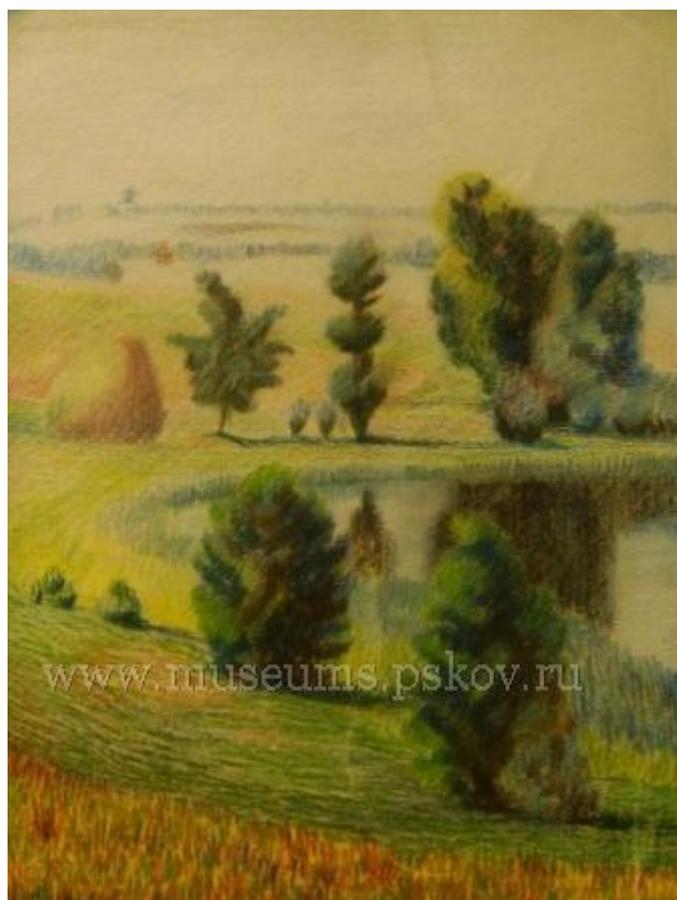
Здесь выделяется продолжающий «детскую» тему маленький офорт «Дети на скамеечке», помеченный 1938 годом и имеющий примечательную надпись на обороте: «Дар Е. С. Крутиковой - работа ее ученицы». Эта надпись подтверждает, что Мордвиновой очень повезло с учителями: помимо гигантских фигур К. Петрова-Водкина и П. Филонова, создавших свои оригинальные художественные системы, здесь были утонченные мастера более узких, графических специальностей - В. Лебедев и Е. Кругликова. Офорт, предназначенный в подарок последней, сделан так легко и непринужденно, что производит впечатление живого натурального рисунка.











Среди прочих работ привлекают внимание девять пейзажных рисунков цветными карандашами, выполненные в 1938 году. Несомненно, сделанные с натуры, они варьируют один и тот же пейзажный мотив: с разных точек зрения

и с различной степенью охвата изображено небольшое озеро, его берега, поля со стогами, прибрежный кустарник. Натурный исход ощутим также в убедительности передачи осенней палитры жухлых увядающих красок поздней осени, в ощущении свежести осеннего дыхания в отношениях цвета и чистого поля бумажного листа. Чувствуется внимание автора к каждому скромному непридуманному элементу пейзажа, «вдумчивость» каждого движения, создающего штрих, роль которого здесь является формообразующей. Штрихи, уложенные друг за другом, не перекрывают и не заслоняют бумажную основу, а создают живую дышащую поверхность. При всем внимании к каждому отдельному движению карандашного штриха достигается единство цветовой ткани и возникает некое качество завершенности (хочется сказать - сделанности). Примечательна также и особая цветовая гамма, в рамках которой решены листья. В ней розоватые, коричневые, рыже-золотистые, жухло-зеленые, синие тона. Это мягкая и одновременно звучная палитра, тяготеющая к радужности с перетеканием оттенков цвета. Кажется, здесь сохранились «воспоминания» о той радужности сияния, которое остается после соприкосновения с живописью Филонова, где обычно так или иначе задействован весь свето-цветовой спектр.

Несмотря на самоценную красоту некоторых листов, в целом остается ощущение их подготовительного назначения - возможно, к рисованию на литографском камне, требующем вдумчивости и точности каждого движения.







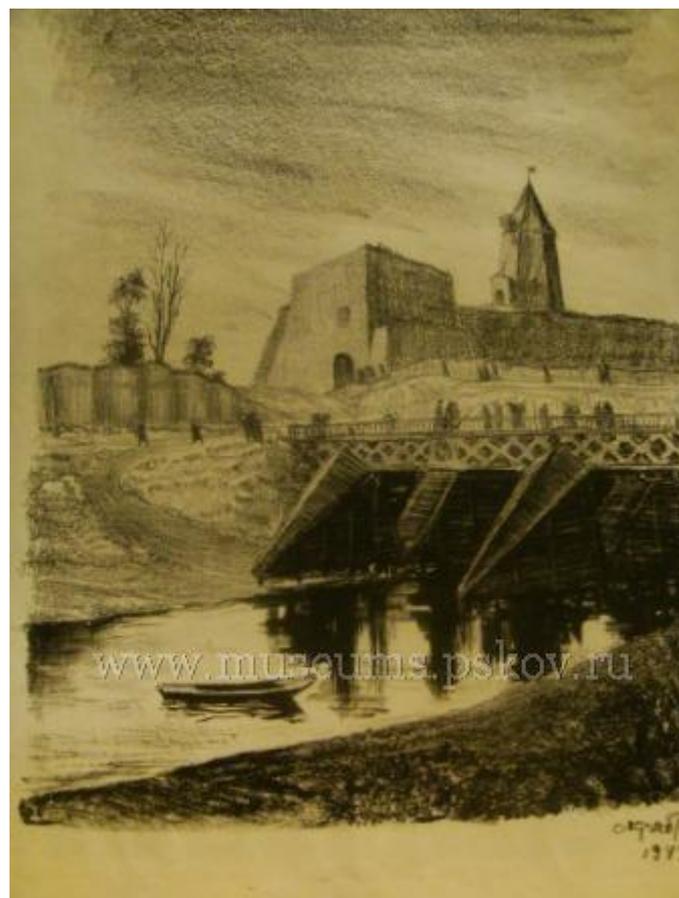
Иные средства выразительности использованы в серии рисунков тушью «Мои соседи», также появившейся в конце 1930-х годов. Тончайший перовой контур здесь призван без какой бы то ни было разработки формы и пространственного объема передать то, что видит глаз художника. В этой серии особенно хороши листы «За вязаньем» (1937), «Мама с дочкой» (1939), «Спящий мальчик», «С балалайкой», «Папа» (1939), привлекающие не только выразительностью лаконичной пластики, но и незримым ощущением времени, в которое они были созданы.

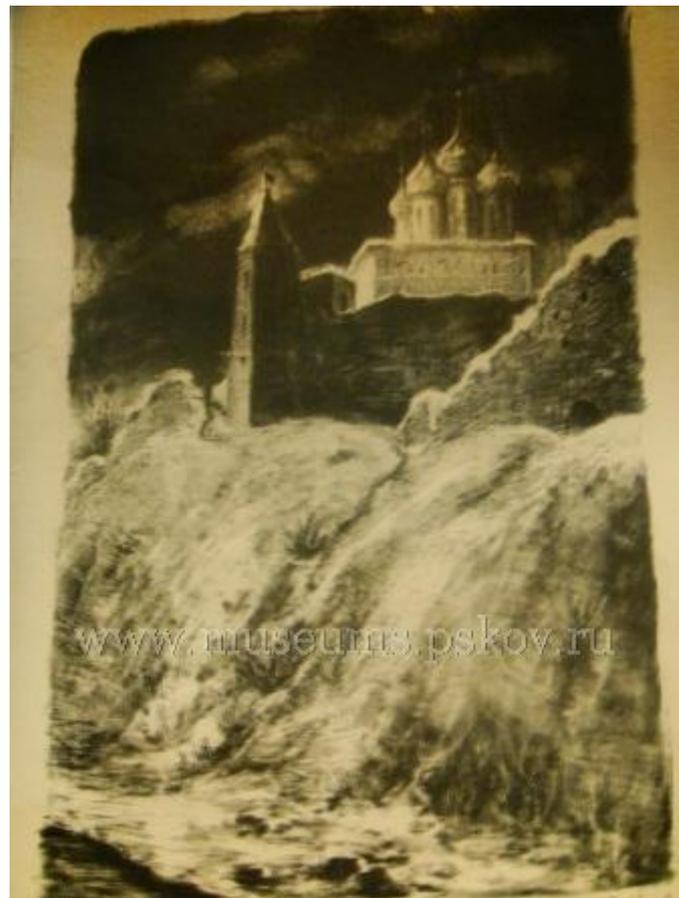


Наибольшую известность Мордвиновой принесли работы военного времени - ценные уже в силу того, что были созданы в экстремальных обстоятельствах. Рисунки и автолитографии военных лет хранятся в ГРМ, в отделе эстампов ГПБ, в Музее истории Ленинграда. В частности, в Музее истории Ленинграда находится серия портретов партизан, выполненная в 1941- 1944 гг. по заданию Обкома партии и показанная в 1944 году в Музее партизанского движения, находившемся в Дедовичском районе.

В дни ленинградской блокады были созданы и две черно-белые литографии, хранящиеся в нашем музее. Одна из них является портретом мальчика-подростка, помогавшего художникам в литографской мастерской, которая и в дни войны не прекращала свою работу («Подручный Коля», 1944 г.). Вторая - «У печки», изображающая темную каморку, а в ней худенькую девочку-подростка в большом платке и валенках, видимо, является обобщенным образом. На листе имеется дарственная надпись: «Глебу Ивановичу признательная Мордвинова 4. 5. 45 г.» Обозначенная здесь дата, видимо, связана с днем дарения, а создана работа была несколько раньше. Названия рисунков и литографий в сохранившемся списке работ приводят к мысли, что данный сюжет варьировался художницей, по крайней мере, дважды. Так литография «У печки» 1941 г. хранится в ГРМ, а другой лист - «У буржуйки (Зима 1942)», выполненный в 1943 г. - в Музее истории Ленинграда и Отделе эстампов ГПБ. Последний лист в точности совпадает с нашим по своим размерам.

Девочка, изображенная на листе «У печки», обращена к большой кастрюле, стоящей на буржуйке. Там, возможно, варится то самое «блюдо», о котором позднее расскажет художница, вспоминая блокаду: варево из столярного клея, приправленного сушеной травой, позволившее ей выжить с хлебным пайком в 125 грамм.







Целый ряд автолитографий Мордвиновой, поступивших из ЛОССХ, построен на псковских мотивах. Вероятно, это и есть листы графической серии, обозначенной ею как «Народное зодчество Пскова XV – XVI вв.».

Здесь варьируются изображения Троицкого собора, крепостных стен и башен, памятников древней архитектуре по берегам Псковы и Великой. Даются различные варианты цветового решения одной и той же композиции. Некоторые листы датированы: «1948 год».

Знакомство Мордвиновой с Сергеем Александровичем Цвылевым (о чем было упомянуто в начале нашего рассказа) могло состояться как раз в период ее работы над серией «Народное зодчество Пскова». Во всяком случае, в это время «Серенька тощей из палаты просящих старцев», как в шутку называл себя Цвылев, жил в Пскове, работал в областной библиотеке и писал статьи об архитектуре Пскова.\*

Возможно, их знакомство имеет и более дальние корни. Известно, что местом ее рождения, как подтверждает солидный каталог ГРМ, было село Орлов-Гай Самарской губернии. Однако, как сообщает, Мордвинова в своей краткой автобиографии, позднее ее семья жила в Порхове,\*\* где она окончила

гимназию. Именно из Порхова, с которым оказались связаны девять лет ее жизни (1908-1917), она была направлена продолжать образование в петроградский Институт внешкольного образования, организованный в 1918 г. Через шесть месяцев Мордвинова успешно защитила диплом по музейному отделению. По стечению обстоятельств в этом же Институте учился, а затем работал зав. музеем института, недавний выпускник СПб университета, купеческий сын Сергей Александрович Цвылев - «старец Сергей», которому спустя много лет «старица Алевтина» подписала свою скромную пейзажную работу.

Этот лист не относится к числу ее лучших работ, однако Цвылев, вероятно, из уважения и дружеских чувств, счел необходимым передать его на хранение в музей. Возможно, подобные истории произошли и с двумя другими упомянутыми подписными дарственными листами, подаренными Е. С. Крутиковой и неведомому Глебу Ивановичу: в результате «бумерангом» они оказались после смерти художницы в графическом кабинете ЛОССХ, соединившись с другими ее работами.

Н. Салтан

Фото: Юлия Конова

\* см. Л. Равич «Серенька тощей из палаты просящих старцев». Библиофил, 2001 г., № 2 (5), стр. 69-82.

\*\* по сведениям известного историка д.и.н. Н.Н. Масленниковой сообщенным сотруднице Псковского музея О.А. Кудрявцевой, отец Мордвиновой происходил из дворянской семьи и работал в Порхове врачом.